

FEEDBACK

Леонид Чернов

Советское эхо: критическое рассуждение о работе И. Злотникова и А. Левинтова «Содержание и типология схем в СМД-методологии (введение в тему)»

После прочтения небольшой, ёмкой и содержательной работы «Содержание и типология схем...» И. Злотникова и А. Левинтова в первую очередь возникает вопрос об аудитории, на которую ориентирована данная работа. Так или иначе, всякий автор подразумевает, а зачастую — знает, кто будет его читать, кто будет обсуждать его идеи и тезисы его работ. Такого рода интуитивное подразумевание, надеюсь, присутствовало и у авторов данной работы. Хочется, чтобы тебя понимали, читали, обсуждали, хочется хоть на немного, пусть на чуть-чуть, расшевелить обленившееся читательское воображение. Под этим углом зрения адресата я и предлагаю понять содержание статьи.

Итак, первое, что отмечается в этой потенциальной читательской аудитории — так это её желание думать, мыслить. Цитирую самый проникновенный, на мой взгляд, отрывок рассматриваемой статьи: «В ситуации нынешнего кризисного, а порой и катастрофического мира к решению частных метафизических и онтологических задач обращается все большее количество людей. Осмысленность такой внутренней работы осознается всё шире и глубже. Онтология и метафизика индивидуальной жизни превращается в обязательное условие осмысленности собственных дней, лет и десятилетий. Люди вынуждены оценивать себя с точки зрения собственной онтологии мира и метафизики собственной жизни. Одновременно они всё больше опираются на автопоэзис себя и своей среды обитания, на вслушивание в своё «Я» поверх и сквозь «шёпот чужих мнений».

В данном отрывке мы видим, что авторы стоят на позициях «осмысленности» человеком оснований собственной жизни, на позициях «оценивания себя», вслушивания в себя, иными словами — на той точке зрения, что человек

должен думать сам, а не быть бараном в «шёпоте» и крике современной толпы, СМИ, рекламы и проч.

Если редуцировать содержание этих призывов к простому философскому тезису, то перед нами окажется традиционное античное — «Человек, познай самого себя». Нет необходимости соглашаться с таким тезисом или опровергать его, ибо, с одной стороны, с классиками спорить — дело неблагодарное, а с другой — думать и познавать себя современному человеку действительно нужно, дабы оставаться человеком в первую очередь. Тем более, что данный призыв на протяжении всей истории философии мы слышим от каждого без исключения мыслителя, от Сократа, Платона, Августина, Декарта до Ортеги-и-Гассета, Сартра и Хайдеггера. И предполагается, что содержание данной работы каким-то образом поможет читателю в этом познании.

Однако здесь возникает некоторое условие, без которого это самопознание является затруднительным. Спрашивается, а какой такой человек должен и может познавать самого себя тем способом и образом, который предлагают авторы статьи? Обычный простой человек? Инженер, учитель, врач, художник, поэт. Кто? Умеющий читать и прочитавший несколько философских книг для того, чтобы усвоить — что такое метафизика и онтология. Или тот, кто прочитал всю подшивку журнала «Вопросы методологии» и для кого СМД-методология является чем-то давно знакомым и привычным.

Здесь и возникает первый вопрос, касающийся читательской аудитории. Если аудитория читателей данной работы — люди, занимавшиеся и занимающиеся СМД-методологией, люди, участвовавшие и организовывавшие ОДИ в советскую и постсоветскую эпоху, тогда

почти все замечания к этой работе оказываются лишними и неуместными. Тогда многое в тексте становится понятным и ясным.

Тогда позволительно «онтологию» и «метафизику» — эти довольно строгие философские понятия, употреблять через запятую в сугубо метафорическом значении. Тогда позволительно и запросто разводить «жизнь» и «деятельность», тогда позволительно говорить о схемах в философии, как будто они там действительно есть, тогда можно говорить и писать о формальных схемах без конкретного предмета схемы. Тогда можно интересно, правомерно и корректно углублять то, что было создано в советскую эпоху как «небольшая», «маленькая» языковая альтернатива официальному марксизму, официальной идеологии, советскому научному идеологизированному языку, языку советской бюрократии и официозу комсомольских собраний.

В этом случае такая аудитория авторов поймёт. Поймёт и простит им и «исихастию», и «схему Бога» и «универсумально-духовное» и многое другое. Тем более, что даже не принадлежа к данной аудитории, я оцениваю ту смелость, с которой авторы статьи вносят дополнения именно в типологию методологических схем. Ведь как известно из истории философии и науковедения, именно новые типологии в науке подвергаются жесточайшей и беспощадной критике в первую очередь. В качестве примера можно привести критику Полом Фейерабендом идеи Томаса Куна о научных революциях / парадигмах.

Но если аудитория данной статьи — читатели, не знакомые с СМД-методологией, ни разу не участвовавшие в ОДИ или даже не слышавшие про это яркое и интересное позднесоветское явление, тогда язык этой работы покажется им по меньшей мере странным и чрезвычайно запутанным. А содержание, выраженное этим языком — крайне туманным и неясным.

А то, что авторы рассчитывают не только на аудиторию искушённых методологов, но и на широкую интеллектуальную, думающую аудиторию в принципе, доказывается цитированным здесь призывом «познать себя», и, собственно, тем нововведением, а именно — двумя типами новых схем, которые включают в себя феномены повседневной жизни человека. Такие, как: детство, власть, человечность, смысл жизни. Конкретные схемы, которые даны в конце работы И. Злотникова и А. Левинтова, являясь лучшим доказательством того, что их работа рассчитана на тех, кто вообще думает

о смысле жизни, без привязки к методологическому прошлому советской философии. Кто думает о времени своей жизни, о собственной идентификации, иными словами — на тех самых инженеров, поэтов, учителей, врачей, о которых говорилось выше.

Второй же вопрос о читательской аудитории данной работы ставится следующим образом: как доказать читателям, что новые типы схем, которые предлагают авторы, действительно необходимы и нужны в новых социальных условиях. А именно: схемы «мыслежизнедеятельностные» и «жизнедеятельностные». И вот этот вопрос, на мой взгляд упирается в неразрешимый парадокс.

Для того, чтобы убедить неискушённого в методологии (читай — советской СМД-методологии) читателя в значимости и актуальности нового методологического содержания, необходимо этого читателя убедить в том, что СМД-методология есть в действительности интеллектуальное, рефлексивное, мыслительное занятие. Занятие философское и полезное для понимания читателем того, кто он такой. То есть проще — заинтересовать читателя в самих основах СМД — методологии.

Авторы, очевидно, такой задачи специально не ставят. Они, по всей видимости, предполагают, что в процессе изложения этого материала (материала статьи) сама методология, в том виде, в каком они её представляют, скажет за себя, т.е. будет проявлять себя как мышление и как интеллектуальная деятельность. И таким образом будут убиты сразу два зайца: корректное введение новой типологии и убеждение в том, что методология вообще это хорошо, полезно и интеллектуально.

Вот тут-то и начинают возникать основные проблемы, приводящие к парадоксу непонимания. И они неизбежны и, я бы сказал — естественны. Ведь для введения и обоснования новых схем необходимо пользоваться разработанным и понятным языком. Напоминаю, понятным для всех, для того, кто в принципе желает понять.

Но как понять такие эзотерические термины-метафоры, как: «этажерка», «СМД-освоение», «трельяж», «схема велосипеда», «ага-понимание». Само название статьи содержит в себе аббревиатуру (СМД-методология), за расшифровкой которой необходимо специально заглядывать в словарь.

Благосклонный читатель понимает, пропускает и читает в статье прямым текстом, что авторы работают в границах и по правилам определённой школы, но как понять читателю, на-

пример, такую вещь — в чем отличие деятельности от жизни? Разве деятельность не есть жизнь, а жизнь противостоит деятельности? Если в словосочетании «мысле-деятельность» ещё есть отголоски аристотелевского и декартовского дуализма между формой и материей, между мыслящей и протяжённой субстанциями, то в самом словосочетании «мысле-жизне-деятельность» сами значения слов запутываются в плотный клубок. Например, у Декарта было так — если «Я» мыслю, значит существую. Является ли это декартовское существование жизнью с точки зрения авторов статьи или же только деятельностью? Или, к примеру, Ницше полагал, что человеку нужно ориентироваться на жизнь, её полноту и цельность. Но тогда возникает вопрос, можем ли мы жизнь, с точки зрения Ницше, назвать деятельностью? Может, жизнь в понимании Ницше — не деятельна? Хотя именно жизнь деятельна у Ницше, ибо эту жизнь он связывал с властью и силой. Но почему Ницше не разводил эти термины, а предпочитал их соединять? Задавая подобного рода вопросы благосклонный и интеллектуальный читатель заодно вспомнит, что ни у Ницше, ни у Декарта, ни у Аристотеля он никаких схем и в помине не видел.

Но зачем же тогда авторы статьи пишут, что СМД-методология «вернула» в философию схемы? Ведь вернуть можно только то, что было в наличии, а потом сделалось утраченным. А оказывается, что в наличии философии и в наличии мыслительной деятельности схем никогда не было. Платоновский Сократ так тот вообще был против того, чтобы записывать сказанное.

Приведу ещё один конкретный пример, доказывающий, на мой взгляд, крайнюю степень запутанности и нечёткости языка и содержания данной работы. Не ясно, почему такие феномены как «транспорт» и «образование» обсуждаются и анализируются в рамках мысле-жизне-деятельностных схем, а такие как «детство» и «жильё» в рамках схем уже только жизне-деятельностных? Ведь очевидно, что жильё связано с транспортом и в некотором смысле сегодня транспорт представляет собой специфическую форму дома, жилья. А то, что «детство» и «образование» взаимопроникают друг в друга, не могут и не должны исследоваться по отдельности — очевидно в ещё большей степени и понятно на уровне здравого смысла. Разве человечность, власть, детство, жильё — не должны осмысливаться? Если да, тогда они должны быть включены в схемы мысле-жизне-деятельностные, а между тем — эти понятия,

по мнению авторов, должны обсуждаться в границах сугубо жизне-деятельностных схем. Как будто для того, чтобы понять власть, не нужно думать, т.е. «включать» мысль.

Задавая себе эти и подобного рода вопросы, читатель не только не поймёт и не оценит оригинальности и новизны двух новых предложенных схем, но и сам статус СМД — методологии делается для него очень неопределённым и крайне двусмысленным. В лучшем случае получится так: читатель скажет себе — я не понял содержание этой работы, наверное, она слишком сложна для моего восприятия, наверное, я чего-то не знаю и не понимаю. Рискую предположить, что таких читателей будет большинство. И тогда мы оказываемся либо перед верными читателями-методологами старой советской и постсоветской закалки, либо перед самими собой. Т.е. перед теми кто писал данную работу, ориентируясь, как мы пытались доказать выше — сугубо на самих себя. Сам пишу, сам читаю, сам обсуждаю...

Я вновь спрашиваю и сам же отвечаю на вопрос — почему в данной работе так много очевидных противоречий, простых и явных неувязок со здравым смыслом? Ответ, мне думается, таков. Потому, что так называемая СМД — методология и тот вариант её развития, который предлагают здесь авторы статьи — сегодня, в постсоветских условиях, есть деятельность сугубо индивидуальная, ситуативная. Это деятельность подобная той, которую совершают один на один в тиши кабинета врач и пациент, психотерапевт и его подопечный. Это деятельность подобная той, которую совершают в классе ученики или на семинаре его участники. У этого семинара есть определённая тема, у этого семинара есть ведущий и на этом семинаре на доске рисуется не одна и не две схемы, а столько, сколько преподаватель и учитель посчитают нужными нарисовать. И при описании этих схем можно употреблять такие слова, как онтология, метафизика, рефлексия, медитация, дискурс, методология и много других слов из разных областей и сфер знания. И это будет допустимо и корректно потому, что у семинара, у урока, у встречи пациента и врача есть конкретная цель, задача и поставленная проблема, которую нужно решать. Решение этой проблемы будет оправдывать собой и смешение терминов, и некорректность употребления незнакомых слов и много другое. Почти всё. Лишь бы пациент перестал бояться темноты, заикаться, пить, курить, моргать и т.д. Лишь бы группа менеджеров или домохозяйек после семинара перестали ругаться с начальниками, мужьями,

детьми, начали размышлять о своей жизни и становиться просто благожелательнее и добрее друг к другу. Повторяю, ради этих благородных задач допустимо смешивать и разводить метафизическое и онтологическое, «универсальное» и духовное, рефлексивное и мистическое.

Вот только рисунки на доске или на листочках, оставшиеся после такого рода деятельности, нужно прятать в семейный альбом или прикреплять в отчётность по заработной плате. Потому что всякий раз для решения конкретной задачи появится новый рисунок, новая схема и новая таблица. Иначе и не может получиться, ведь для того, чтобы универсализировать схемы, давать их типологию и рассуждать об их универсальности — нужно в первую очередь обозначить предмет, о котором размышляет исследователь. А без предмета, конкретного аспекта, объекта анализа (человека боящегося, пьющего, курящего, злого, доброго, глупого, умного) методологическая схема пуста, не строга, она будет всеобщей и поэтому она должна будет допускать в себя неточности и неясности как обязательное условие.

Ситуативность и нормативность здесь несовместимы, поскольку методология в том виде, в котором она представлена здесь — глубоко функциональна, она служит не истине, не закону, не идее, а ситуации. А под ситуацию позволительно рисовать любую картинку, любой чертёж.

Но даже и это не беда и не тупик для читателя данной работы, для читателя думающего и достаточно внимательного. Тупик в том и тогда, когда неточность и нестрогость называют мышлением, когда в явном и скрытом виде пытаются сказать читателю о том, что рисование схем, картинок и иллюстраций есть думание, размышление, рефлексия, интеллектуальная жизнь, медитация.

Выход из такого тупика прост: либо я решаю конкретные задачи (свои, моего коллектива, семьи, города), и тогда я рисую подручные рабочие схемы, таблицы и рисунки. Либо я действительно задумываюсь над тем, что такое мышление и кто «Я» в действительности такой. Но тогда я начинаю думать, размышлять, и в первую очередь над тем, как жизнь, деятельность связаны с мышлением. Как это делали Декарт и Кант. И уж вот тут-то мне придётся начать с того, чтобы развести «мысль и деятельность», «жизнь и деятельность», «мысль и жизнь», т.е. начать с того, что для авторов данной работы не является ни проблемой, ни вопросом. А там, где этих вопросов нет, т.е. там, «в голове» у того читателя, который на веру принимает сами словосочетания «мыследеятельность», «мыслежизнедеятельность» и т.д., там рискует не появиться никакого мышления и рефлексии, о которых так искренно пишут в данной работе её уважаемые авторы.